

25 декабря. Лаврентия

Дорогая Валентина Федоровна!

В предыдущем письме я упоминал об учительнице из лаврентьевской школы, которая несколько лет назад, ещё будучи школьницей, едва не замерзла в тундре. Мы с ней сегодня встречались. Её зовут Светлана Михайловна, она чукчанка, невысокая, коротко пострижена и, мне показалось, немного кудрявая. Стоило затронуть ту давнюю историю, как она заволновалась, хриплый голос стал тихим, и мне приходилось постоянно переспрашивать. Она удивилась моему вниманию, но еще больше ее смутила моя осведомленность. По всему видно, что происшествие обошлось ей дорого, и возвращаться к нему Светлане Михайловне не хотелось. Какое-то время она молчала, решая, продолжать ли разговор. Потом все же решилась.

Если помните, в Инчоуне есть начальная школа. Проучившись в ней четыре года, ученики затем переводятся в Уэлен, где и доучиваются. Живут они в пришкольном интернате, а на каникулы родители стараются забрать их домой. Но дети здесь отважные, мороза не боятся и иногда решаются на самостоятельные «путешествия» к своему дому.

Однажды, под Новый год, Светлана, её одноклассники Андрей и Надя, младший брат Нади Славик, а также старшеклассники Олег и Иван отправились в Инчоун. Это в тридцати пяти километрах от Уэлена, на побережье Чукотского моря. Там живут в основном охотники на морского зверя, а это значит, что инчоунские дети закаленные и выносливые. Они сызмальства помогают старшим, учатся опасному охотничьему промыслу, и то, что шестеро учеников пошли пешком, не такая уж

особенность. Тем более, по словам Светланы, погода была солнечная.

Вышли в обед, но когда прошли половину пути, погода испортилась. Замело. Идти пришлось медленно. К тому же вскоре стемнело. Олег с Андреем отправились за помощью. Остальные потихоньку пошли следом. Впереди шел Ваня: он был постарше. Возможно, надо было оставаться на месте и, экономя силы, ожидать помощи. Но, опять-таки но...

Только в Лаврентия я увидел настоящую тундру. В Билибино — лесотундра. Там есть деревца, кусты, крутые склоны и овражки, где можно если не спрятаться, то укрыться. Здесь же на сотни километров ни деревца, ни даже кустика. Лишь голые заснеженные сопки, по которым беспрепятственно гуляет ветер да голодные волки. Говорят, когда пурга, дальше десяти шагов не видно. Это днем. А ночью и без пурги ничего не видать. Дети тундры — не мы с Вами, но, застигнутые пургой, они растерялись и попросту заблудились. Тогда решили возвратиться к тому месту, где их покинули ребята, ушедшие за помощью. Логично. Вот только вернуться на прежнее место им не удалось. Они едва различали друг друга. Растратив силы и поняв, что окончательно заблудились, дети решили окапываться и ждать помощи...

Светлана говорила все медленнее, ее голос становился все глуше. Глядя на ее напряженное лицо, я чувствовал, что она с болью воспроизводит в памяти ужасную картину. Судя по всему, давно никто не тревожил ее память. Светлана тяжело вздыхает, но продолжает рассказ.

...Школьники решили окопаться, что было единственно верным решением. Надо ждать помощи, улучшения погоды, но главное — экономить силы. Меньше движений, суеты и паники — так учили старшие. Дети разгребли в снегу яму. Света, Надя и Славик легли в ряд, а Ваня — поперек, закрывая собой их головы от ветра. Поначалу дремали, но в конце концов заснули...

Когда Светлана открыла глаза, то первое, что увидела, — «свет из-под снега». Она попыталась подняться, но не хватило сил.

Тогда она стала звать остальных. Отозвался только Слава. Светлана силилась встать, но одежда превратилась в ледяной панцирь. Если бы на детях были кухлянки, им бы холод не грозил, но они были в обыкновенной зимней одежде, от которой в подобных ситуациях толку мало. Все же Светлана нашла силы встать. Она сразу же увидела лежавшую чуть в стороне подругу. Надя не шевелилась. Ваня так же неподвижно лежал в стороне. (Светлана до сих пор не поймет почему.) Она машинально потормошила Надю, но подруга была неподвижна. Светлана попробовала надеть на неё шапку, но шапка слетала с Надиной головы, словно отказываясь быть надетой. Тогда она подняла Славу. Вдвоем они решили идти за помощью, чтобы спасти Надю и Ивана. Все их движения были автоматическими, а намерения — результатом отчаяния. Это обрекало на верную гибель. Светлана помнит, как пыталась надеть Славе варежку, но варежка никак не надевалась и соскальзывала с его руки, как с Нади шапка. Он сказал: «Не надо! Я все равно не чувствую». Только тут Светлана заметила, что его рука превратилась в кусок льда. Но у нее самой руки и ноги почти не двигались. Все же кое-как побрели...

Им повезло необыкновенно: они вышли на участок дороги, который не замело. Но чукотские дороги — не совсем те, к каким мы привыкли. Здесь если за сутки проедет вездеход — и то хорошо. А так это пустынная, почти условная линия. Между Уэленом и Инчоуном какое может быть движение? Только серьезные обстоятельства заставят выехать из поселка зимой.

Дети были уверены, что их ищут. Несколько раз им мерещились вездеходы, огни поселка, доносились какие-то звуки, чудились знакомые голоса. Они бросались навстречу, но оказывалось, что это галлюцинации. И когда показался вездеход с учителями и директором школы, дети даже не отреагировали. Слава Богу, это был не мираж. Светлана и Слава, обессиленные, обмороженные, едва живые, просили своих спасателей ехать за Иваном и Надей. Но их повезли в Инчоун, до которого школьники не дошли всего три километра. Только потом учителя поехали

искать оставшихся. Разумеется, без Светланы и Славы, которые нуждались в срочной помощи. Ваню и Надю отыскиали лишь к ночи...

Светлана корит себя и втайне упрекает спасателей. Как настоящая северянка, она не считает свое спасение состоявшимся, если погибли товарищи. А взрослые, найдя едва державшихся на ногах школьников, прежде всего боролись за их жизни. Светлана понимает и это, но все же...

Подобное в районе случается. С тундрой шутки плохи. Самонадеянность жестоко наказывается. Так тундра учит остальных, и оттого смертельных исходов немного. Среди чукотских учителей и воспитателей тундра не на последнем месте, а для Светланы Михайловны — на первом.

* * *

Валентина Федоровна, продолжаю письмо.

У меня сегодня была еще одна встреча...

Стихиям противостоять хоть сложно, но можно, и в этом северные народы — впереди всех. Но как противостоять стихии под названием «человек»? Тут уж все одинаково бессильны.

Я здесь купил гравированный клык моржа. Вы не представляете, какая это красота! Вряд ли в Торжке у кого-нибудь такой имеется. Особенно ценно, что клык — из Уэлена, признанного центра косторезного искусства. Так вот, прежде чем любоваться гравировкой, я решил этот клык помыть: мало ли где он лежал и кто его трогал. И что же? Вся краска смылась! Откуда я мог знать, что раскрашивают гравировку обыкновенными карандашами?

Придя в неопиcуемый транс, я стал искать помощи. Меня успокоили, заверив, что дело небезнадежно, и пообещали найти мастера, который бы вновь раскрасил этот клык. И сегодня ко мне

пришла невысокая, слегка прихрамывающая чукчанка, принесла карандаши, специальный инструмент, завернутый в тряпочку, разложила все это на столике и принялась за работу. Я внимательно за нею наблюдал, тем более что чукчанка, раскрашивая клык, рассказывала, как все это делается.

Раскрашивание — последний этап в этом хрупком и нежном искусстве. Перед тем клык тщательно полируют, пока он не станет гладким, как зеркало. Это отдельная работа, которой занимается специальный мастер. Затем за дело берется гравер. Простым карандашом он рисует на клыке задуманный сюжет, после чего специальным резцом (*коготком*) выполняет гравировку. Это самая главная, самая продолжительная и наиболее сложная работа. И только потом идет раскраска. Сначала в микроскопические бороздки втирается черный карандаш. Им наводят контур. Невидимые до сих пор сопки, кусты, море, фигуры охотников и зверей обретают очертания. Затем обычными цветными карандашами, в соответствии с художественными представлениями и вкусами мастера, раскрашивается весь рисунок. Он даже не раскрашивается, а, скорее, «затирается». (Чукчанка говорила: *«Надо втереть краску»*.) Сначала «втирают» темные тона — холодное море, темные собаки, коричневые моржи или синий кит. Затем наносят цвета посветлее — яранги, олени, кухлянки, торбаса, камни. В самом конце наносят светлые тона: солнце, его лучи и розовые отблески на вершинах сопок. После «затирки» по клыку несколько раз проводят влажной тряпочкой, смывая лишнюю краску.

Чем филиграннее техника мастера, тем мельче канавки и тоньше контуры. В этом случае гравировка окажется ненавязчивой, неброской, даже немного бледной, в чем особенный изыск. Заимев такой шедевр, уже ни за что с ним не расстанешься. К нему привыкаешь. Нежные тона гравировки успокаивают: начинаешь рассматривать простенькие сюжеты, а сам невольно останавливаешься, затихаешь, забываешь, что куда-то бежал или спешил... И наблюдать за работой мастера — тоже удовольствие.

Вале — реставрировавшей мой клык — тридцать лет. Она начала заниматься гравировкой в 1985 году в Уэлене, где проживала с родителями. Там же вышла замуж. Несколько лет назад Валя приехала в Лаврентия, шла с подругой, и на них наехал грузовик. Водитель — пьян. Подруга погибла, а Валу спасли. Она долго лечилась, но так и осталась хромой.

Узнав, что Валя в больнице, да еще без сознания, её мама добралась до Лаврентия, пришла в больницу и молча сидела в коридоре, дожидаясь, пока дочь придет в сознание. Через несколько дней врачи пригласили её в палату убедиться, что Валя поправляется. Мать вошла, обняла дочь, затем вышла, присела на тот же стул и... умерла. Отец Вали умер год спустя.

А что муж?

Он находился в Уэлене и к попавшей в беду жене не спешил. Когда Валя вернулась, то сообщила, что уже не сможет иметь детей. Муж тут же предложил развестись. Валя ему говорила, что ребенка можно усыновить — такие случаи известны. Но муж был непреклонен и ушел к другой.

И что же?

Новая жена его бросила, и он какое-то время мотался по поселку. Пьянствовал, бездельничал, в конце концов залез в магазин, был схвачен, судим и сейчас в тюрьме. А мог спьяну забраться в грузовик и на кого-нибудь наехать...

Гравировку Валя подновила так, что выглядит она теперь лучше, чем прежде. К тому же и меня научила этому приятному занятию. Она даже выгравировала «коготком» небольшой кустик, по её мнению недостающий.

ЗАКЛИНАНИЕ,
ПРИВОДЯЩЕЕ ОБРАТНО УМИРАЮЩЕГО
(Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»)

«Если я хочу задержать уходящего в страну мертвых, я превращаю свой мизинец в умирающего и крепко держу его. Когда он хочет уйти, я держу его, будто перехватываю на дороге. Я лаю, как собака, и заставляю его вернуться. Я превращаю его душу в плавучее дерево. Я дую изо всех сил, как большой ветер, и подгоняю его к берегу. Я гоню его своим дыханием по направлению к земле: "Qato, qato, qato!" Я схвачу дерево за корни и вытащу на берег!»

*Сообщил Kamenvat, оленный чукча
в Колымском округе. 1897 г.*

ЗАКЛИНАНИЕ,
УПОТРЕБЛЯЕМОЕ РЕВНУЮЩЕЙ
ЖЕНЩИНОЙ ПРОТИВ СВОЕЙ СОПЕРНИЦЫ
(Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»)

«Так ты эта женщина?! Мой муж отдает тебе так много любви, что совсем перестает любить меня. Но ты не человек! Я превращаю тебя в старую падаль, лежащую на каменистом берегу и распухшую от гниения. Я превращаю моего мужа в большого медведя. Этот медведь приходит из далекой страны. Он очень голоден. Он долго ничего не ел. Увидав падаль, он пожирает ее. Немного спустя его тошнит и рвет. Я превращаю тебя в массу, извергнутую его желудком. Мой

муж видит тебя и говорит: “Я не хочу ее!” Мой муж начинает ненавидеть и презирать тебя. В то же время я превращаю собственное тело в молодого бобра, который только что сбросил шерсть. Я делаю мягкими и гладкими свои волосы. Мой муж оставит свою прежнюю любовь и вернется ко мне, потому что на нее противно смотреть. (Она плюет и слюной обмазывает все свое тело с головы до ног. И действительно, ее муж снова почувствовал любовь к ней.)»

Сообщила женщина из поселка Сесип. 1900 г.